

18+

Победитель
конкурса
«Любовь
между
строк»

**ДЭЙКИ
КАТО**

**МЕМУАРЫ ГЕЙШИ ИЗ
КВАРТАЛА ШИНМАТИ**

Дэйки Като

**Мемуары гейши
из квартала Шинмати**

«Издательские решения»

Като Д.

Мемуары гейши из квартала Шинмати / Д. Като — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646892-4

В сказочном мире древней Японии юная гейша Мико познает всеграницы своего искусства, путешествуя по роскошным чайным домам и будуарам в квартале красных фонарей Шинмати, что раскинулся посреди Осаки. Но за маской восточной куртизанки скрывается неукротимая душа искательницы истины, жаждущая постичь все высшие тайны бытия. Погрузитесь в потрясающую сагу, где каждый поцелуй может стать последним, а тайны раскрываются в каждом прикосновении пленительной гейши.

ISBN 978-5-00-646892-4

© Като Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пролог: Благословенный ребенок	6
Глава 2. Детство в нищете	7
Глава 3. Продажа в окайя	9
Глава 4. Первые уроки жизни в квартале Шинмати	11
Глава 5. Благоговение перед Акирой-сан	14
Глава 6. Искусство остроумной беседы	18
Глава 7. Переход в майко	21
Глава 8. В путях мастера Киёши	25
Глава 9. Тайны страстных стихов и искусство флирта	29
Глава 10. Мидзуагэ или как стать женщиной	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мемуары гейши из квартала Шинмати

Дэйки Като

© Дэйки Като, 2024

ISBN 978-5-0064-6892-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пролог: Благословенный ребенок

Я открываю глаза и долго всматриваюсь в весеннее утреннее небо, проступающее сквозь решетку окна. Лучи восходящего солнца пробиваются в комнату, наполняя ее мягким розовато-золотистым светом. Снаружи доносятся звуки пробуждающегося квартала – скрип калитки, шаги прохожих, голоса торговцев. Шинмати, знаменитый квартал удовольствий в сердце Осаки, ожил после ночи, погрузившись в привычный ритм жизни, полной соблазнов и тайн.

Я перевожу взгляд на свое отражение в небольшом зеркале у изголовья. Ему уже не требуется множество слоев белил и ярких румян, чтобы оживить черты моего лица. Годы оставили на нем свой неизгладимый отпечаток – морщины обвили уголки глаз и губ, словно паутинки, а кожа утратила гладкость и приобрела оттенок старого пергамента. И все же в этом изможденном лице я вижу отблески былой красоты, некогда столь ценимой мужчинами.

Я была гейшей – одной из лучших в Шинмати и даже, смею сказать, во всей Осаке. Мое имя – Мико, что означает «красивый ребенок благословения». Так назвала меня мать, безутешная в своей нищете, но исполненная надежд. Видно, ей было дано пророчество о моей будущей жизни в роскоши и почете.

Я выросла в глухой деревушке на берегу реки в неделе пути от Осаки. Наше семейство принадлежало к низшим сословиям, тем, чье существование ограничивалось борьбой за пропитание. Отец целыми днями работал на рисовых полях знатного самурая, а мать пыталась свести концы с концами, мастера для продажи рыбацкие сети. Я была младшей из троих детей и, судя по всему, последней каплей в чаше нашего семейного горя. Мы голодали, вынужденные довольствоваться скудными подачками феодала и временами прибегать к милостыне других крестьян.

Помню, как однажды ранним летним утром мать буквально вытолкнула меня за порог нашей хижинки с наказом не возвращаться, пока не наберу побольше хвороста для очага. Я отправилась к опушке леса, радостно дыша свежим воздухом в предвкушении забавных детских игр. Но, собрав вязанку веток, я вдруг осознала, что солнце уже заметно вышло за горизонт. Тревога сковала мое маленькое сердце, ведь добрую мать нельзя было надолго оставлять одну. С каждым шагом к дому душа будто становилась все тяжелее, а тропинка – все более тернистой. И вдруг впереди меня возник величественный всадник в богатых одеждах, преградивший мне путь. В руке он сжимал белую церемониальную веточку сакуры – символ высочайших достоинств.

– Приветствую вас, прекрасное дитя! – окликнул он меня звучным голосом. – Благословенна вы своей удивительной красотой. Ваше место не в этой захудалой деревушке, а в Шинмати, где ваша редкая диковинная прелесть будет оценена по достоинству.

Незнакомец оказался работником, объезжавшим окрестности в поисках товара для лучших чайных домов Осаки. В обмен за меня он предложил отцу довольно приличную сумму денег, хватившую на то, чтобы расплатиться с долгами и прожить безбедно пару лет. После томительной ночи размышлений, семья приняла решение принять предложение и отдать девятилетнюю меня на заклятие. Я не понимала всего происходящего, но меня тревожило тяжелое молчание родителей и деланное спокойствие старших братьев.

Так я покинула родные края и впервые оказалась в Осаке – великом городе контрастов, утопавшем в роскоши и омытом нечистотами. Работник передал меня в распоряжение okaya – своеобразной школы-интерната, где воспитывали юных девушек на потеху богатым гостям чайных домов. Так началась моя поистине невероятная жизнь.

Глава 2. Детство в нищете

Спустя годы воспоминания о раннем детстве кажутся мне смутными, окутанными дымкой безмятежного неведения. Однако некоторые эпизоды того времени запечатлелись в моей памяти с невероятной четкостью, будто вчерашний день. Меня всегда интересовало, как устроен мир – видимый и, в особенности, невидимый. По всей вероятности, именно это жгучее любопытство и является тем ключом, который открывает тайну моей судьбы.

Моя родная деревня, носившая незамысловатое название Цубаки, располагалась в живописной долине, окруженной пышными лесами и пологими холмами. Невдалеке протекала речушка с прозрачной водой удивительного зеленовато-голубого оттенка. В ясные деньки ее можно было наблюдать с возвышенности, где стояла наша хижина. Ничего не стоило дойти до берега, умыться студеной водицей и попытаться поймать ртом стремительно проносящиеся мимо веселые струйки.

В те времена безоблачного младенчества я не догадывалась о тяготах, обрушившихся на наше семейство. Отец целыми днями работал на рисовых полях, принадлежавших аристократу – ближайшему к нашей деревне даймё¹. Урожай поступал в господские амбары, а батюшка получал лишь скудное вознаграждение в виде минимальной доли обработанного зерна. Этого нам никогда не хватало, и мы жили впроголодь, дополняя свой рацион ягодами, кореньями и речной рыбой. У матушки не было ни гроша за душой, и она изнуряла себя сверхурочным трудом, штопая одежду для рыбаков и делая для них сети, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

Старшие братья, Тару и Таку, по большей части пропадали в поле, помогая отцу. Лишь изредка я видела, как они возвращаются домой при свете восходящей луны, покрытые пылью и потом. Братья никогда не жаловались на тяжелую работу, но я замечала, как они поникали духом, когда заходила речь о будущем семьи. В эти моменты их грубоватые лица делались мрачнее тучи.

Один лишь отец не утрачивал оптимизма. Уставая от изнурительных трудов, он неизменно сохранял добродушную искреннюю улыбку и порой весело подтрунивал над нашей бедностью. «Не беда, что в кошельке пусто, зато душа богата!» – шутил он, растрепав мои непослушные косички. С неизменным жизнелюбием отец оберегал мирное детское счастье, заслоняя меня от горьких невзгод.

Наша ветхая хижина, сложенная из грубых деревянных брусьев и прогнивших бамбуковых циновок, никак не способствовала уюту семейному гнездышку. Однако я не ведала, что бывают дома попримечнее, и была вполне довольна убогим пристанищем, в котором меня окружала сплоченная любящая семья. Запахи старого дерева, дыма от очага и пота моих родных казались мне самыми прекрасными на свете ароматами. В этом тесном шалаше каждый вечер мы усаживались вокруг пылающей жарко печки и согревались её живительным теплом. Порой матушка доставала из закровов остатки риса, и мы наслаждались роскошным угощением в уютном семейном кругу.

По воскресеньям мы всей семьёй отправлялись к реке на рыбалку. Родители раскидывали огромные сети, а я резвилась на берегу, удивляясь разноцветным камушкам под прозрачной водой. В те мгновения ни о какой бедности не могло быть и речи – мы были самыми счастливыми и богатыми людьми на свете!

После возвращения домой мать принималась жарить заветную добычу, источая чудесные пряные ароматы своей стряпней. Свежая рыба в те времена казалась мне истинным деликатесом – эталоном роскоши и изысканного вкуса. Что может быть лучше, думала я, с нетерпением

¹ Даймё – владетельный князь в феодальной Японии.

ожидая вечернего пира. Я предвкушала, как мы сидим за низким грубым столиком, с жадностью поглощая румяные золотистые куски, сдобренные родительским весельем.

Матушка прилагала все усилия, чтобы скрасить наше существование какими-никакими радостями. По большим праздникам она доставала из потайной шкатулки несколько ярких лоскутков, которыми разукрашивала мои волосы и обвешивала наше жилище. Кроме того, в эти дни она устраивала для меня театральное представление со старыми куклами из папьемаше, оживляя историю о невероятных приключениях любвеобильного купца и гейши из знаменитого Шинмати. Это была единственная сказка из взрослого мира, которая запала в мою детскую душу.

Я неизменно просила матушку рассказывать о гейше, воочию представляя себе ту роскошную жизнь, которая всегда оставалась для меня благородной тайной. Уж не догадывалась ли мать о моей грядущей судьбе?

О, если бы в те наивные времена невинности я хоть краешком глаза заглянула в будущее и увидела бы всю правду своего невероятного пути! Конечно, я едва ли могла предугадать, что спустя пару десятков лет стану одной из величайших гейш Шинмати и буду жить посреди несметных сокровищ, учтиво развлекаая важных господ...

Глава 3. Продажа в окайя

Я до сих пор ощущаю жуткий, леденящий душу страх, когда вспоминаю события той поворотной ночи. Наша хижина была погружена во мрак – лишь тусклый отсвет очага робко трепетал в дальнем углу. Родители сидели в напряженном молчании, держа друг друга за руки. Братья смотрели прямо перед собой непроницаемыми взглядами. А я растерянно озиралась по сторонам, не понимая причины этой звенящей тишины.

Тишина вскоре стала невыносимой. Прервал ее отец, обратившись ко мне дрогнувшим голосом:

– Доченька, ты уже большая девочка, и тебе следует узнать одну важную вещь... – он сделал паузу, а затем продолжил едва слышно. – Нынче ночью к нам пришел посланник из Осаки и предложил весьма щедрое вознаграждение. За тебя, моя ненаглядная.

Эти слова вонзились в мое неискушенное детское сознание острыми клинками. Холодные мурашки пробежали по спине, сердце бешено забилося. Я растерялась от смутного ужаса и непонимания.

– Он говорит, будто ты удивительно красива, дитя мое, – подхватила мать, и из уголков глаз у нее хлынули непрошеные слезы. – Твое место, мол, не в этой глуши, а в богатых чайных домах Осаки, куда стекается весь цвет благородного сословия. Ты должна заслужить лучшую участь, а не томиться здесь в убожестве.

– Довольно! – оборвал ее решительный возглас отца. – Позвольте сказать мне.

Он обратил ко мне бесстрастное лицо и произнес с невероятным хладнокровием:

– Мико, мы продали тебя в окайя.

От этих простых слов кровь застыла в моих жилах. Мир будто замер и обрушился огромным ледяным грузом на плечи. Я окаменела и лишь распахнула глаза, не в силах поверить услышанному.

– Что же такое эта окайя? – голос сам собою вырвался из онемевших уст.

– Окайя – это нечто вроде школы, где обучают юных дев искусству услаждать знатных господ в чайных домах Осаки, – пояснил отец. – За это нам заплатят хорошие деньги – достаточно, чтобы расплатиться с долгами и снова встать на ноги. – Он помолчал и добавил: – Однажды ты вернешься к нам богатой и всеми уважаемой дамой.

В тот момент я находилась в таком оцепенении, что даже не нашлась с ответной репликой. Я созерцала родительские лица с застывшим на них выражением вынужденной решимости и почти физически ощущала их муки. Стало ясно, что спорить бесполезно: все уже решено, и моя участь predetermined.

В оставшиеся часы до рассвета я неотступно ходила из угла в угол по нашему жилищу. Пока остальные члены семьи ворочались в тревожном полусне, передо мной одна за другой всплывали картины безмятежных дней невинного детства. Я вспоминала, как собирала у реки разноцветные камушки и бросалась ими в воду, любуясь причудливыми кругами на исчезающей ряби. Я мысленно перебирала устроенные матерью кукольные спектакли, и перед моими глазами снова оживала сказочная красавица-гейша со всем ее блеском и романтикой. Я вдыхала запах древесного дыма, исходивший от потухающего очага – этого сердца нашего насыщенного гнезда. С каждым вдохом в душу закрадывались первые ростки осознания того, что все это осталось в прошлом.

Последующее утро встретило меня бессонной и безучастной к происходящему. Помнится, я равнодушно наблюдала, как братья спуют по дому, собирая мои ничтожные пожитки. Они были явно опечалены моим скорым отъездом и, решившись заговорить, произносили слова с трудом, будто что-то мешало им в горле. Спазмы сжимали мое нутро, когда я видела,

как они обвязывают веревкой мои скудные тряпичные букеты – нехитрые безделушки, напоминавшие мне о веселых хороводах по лесным полянам.

Со двора донесся стук копыт и громкие мужские голоса. Отец первым встрепенулся и направился на зов. Я безвольно поплелась следом, с молчаливым безразличием взирая на всадников, остановившихся у нашего порога. Среди них выделялся степенный господин в роскошных одеждах, с роговой трубкой и цветастым камоном на груди – знаком благородного сана. За ним с важным видом шествовали два крепких лакея. Не успев еще ничего сказать, степенный вельможа окинул меня беглым взглядом и с непроницаемым лицом кивнул самому себе, будто останавливая сомнения.

Пока отец с поникшей головой обсуждал условия сделки, я не отрывала глаз от рассветного солнца, нежно золотившего верхушки деревьев. Мне мерещилось, что природа замерла в недоумении и испытывающем молчании. Дубрава, некогда столько раз услаждавшая меня мелодией ветра в своих ветвях, казалось, приумолкла и безучастно взирала на то, как одна из ее детей обрекается на неизвестную судьбу.

Внезапно один из всадников сноровисто соскочил с коня и угрюмо направился в мою сторону. Я бессильно замерла, когда он хватко уцепил меня за руку и куда-то потащил. Паника охватила меня в тот миг, когда я осознала – прощание с родными кончилось и настал час расставания. Но лишь беспомощный взгляд сумела я бросить в сторону матери, державшей в руках мою куклу. Мать была вся заплаканная и едва держалась на ногах от рыданий.

Кукла... Вспоминая эту сцену, я до сих пор содрогаюсь. Ведь именно эта жалкая бездельница, некогда столь драгоценная для меня, должна была заменить меня в материнских объятиях.

Взвизгнув от отчаяния, я изо всех сил вцепилась в материнское платье, но бесчувственные слуги работоторговца тут же оторвали меня и поволокли прочь. Окутанная пылью и безмолвными криками родственников, я размыто видела лишь тусклые силуэты нищих хижин да горстки испуганных соседей, собравшихся посмотреть на представление. Обезумев, я царапалась и вырывалась, но груди сдавливал спазм, и я могла лишь захлебываться собственными рыданиями.

Это было подобно тому, как вырывают больную конечность. И отец, наверное, полагал поступить так же – оборвать то, что отравляло семью бедностью, в надежде на лучшее будущее. А может, он просто утешал себя таким образом.

В любом случае, этот рассвет я запомнила навсегда. Он предвещала конец детского света и погружение во мрак долгих лет боли, одиночества и непрестанной борьбы за собственную душу.

Глава 4. Первые уроки жизни в квартале Шинмати

Путешествие в Осаку было долгим и изнурительным. Даже воспоминания о пережитых тревогах приводят меня в священный трепет. Стоило карете выехать за околицу Цубаки и углубиться в дремучие чащобы, как все мои робкие надежды на возвращение к родным растаяли без следа.

Переполненная страхами и опасениями, я часами не произносила ни слова и безвольно смотрела в щели деревянной клетушки, куда была заключена. Мимо проносилась дикая, неистовая природа гор, лишь изредка сменяясь людскими поселениями. В такие мгновения я неизменно прикинула к оконной амбразуре, распахивая глаза в надежде увидеть хоть одно знакомое лицо. Но жители деревушек смотрели сквозь меня, как будто я была пустым местом, а то и шархались в стороны, завидев нашу процессию.

Долгие дни пути стали мучительным испытанием для меня. Телесные муки порой казались менее тягостными, чем духовные терзания, без конца изнурявшие мое сердце. Саднило в нем осознание того, что впереди меня ждет участь недостойная человека, неотвратимая как судьба. Перед мысленным взором беспрестанно возникали лица родителей и братьев, скрывшихся за завесой прошлого. Как они сейчас, спрашивала я саму себя. Молятся ли за мое благополучие или уже стараются забыть о несчастной отщепенке? Исстрадавшись в таких мыслях и чувствах, я часто впадала в безутешное рыдание, из последних сил сдерживая крики боли и обиды.

Когда наконец сквозь лесные просеки замаячили силуэты внушительных городских построек Осаки, меня непроизвольно пробрала дрожь. Еще никогда прежде не видела я такого многолюдья, гомона и сутолоки общественной жизни. По краям дороги росли горделивые пагоды, а ветхие хижины, стоя бок о бок, теснили друг друга. От неизбежной толчеи на улице мельтешившие разноцветные одежды сливались в радужный поток, при этом на каждом углу стояла неизменная вереница нищих с протянутыми к небу руками.

Звуки, запахи и краски этого людского муравейника все глубже поглощали меня, вселяя неподдельное благоговение. В то время как на родине царил безмятежная природная тишина, здесь повсюду не смолкали пестрые рынки, несущие разноголосие криков уличных торговцев, азартных игроков и молодец из простонародья. А над всем этим гомоном возвышались строгие напевы синтоистских святилищ да звучные удары деревянных колотушек, оповещающих о начале гончарного часа или цветочного праздника.

Естественно, среди этого калейдоскопа город вмещал и не столь радужные, но пугающие мое юное воображение картины. То тут, то там попадались витрины борделей, из дверей которых выглядывали обнаженные смуглые женщины и молоденькие девушки с нарумяненными губами, манявшие проходящих мужчин в свои сладострастные сети. Также встречались лавки иных ремесленных гильдий, как то кузнецы, изготавливавшие арсенал инструментов для истязаний, а рядом с ними трудились своим ремеслом мастера по нанесению знаков позора и причинению увечий «нечестивцам».

Надо признаться, подобные виды внушали мне первобытный ужас. Из окна кареты я, затаив дыхание, взирала на протекание здешней жизни, некогда невообразимой для сельской простушки, и едва ли могла угадывать, куда именно повлечет меня неведомая судьба.

Около дверей одного из чайных домов в квартале Шинмати, где предоставлялись сами понимаете какие услуги, наше длинное шествие наконец остановилось. Приближался вечер, и вокруг пролился свет ярких бумажных фонарей, усыпавших расписные крыши и смутно озарявших залитый красными огнями дворик. Из-за раздвижных дверей доносилась меланхолическая флейта – негромкие отзвуки традиционных напевов и ритмичные щепки играющего

на сямисэне². Я вздрогнула и потупила взгляд, боясь представить, какие виды откроются мне внутри.

Двое служек тут же буквально выволокли меня из кареты, после чего их скользящий шаг перенес нас через застывшие в благодушном терпении ряды алых фонариков. Сквозь пелену их кровавого света я зрела усталые циновками коридоры с раздвижными шторами, в глубине тянущиеся за пределы моего обозрения.

Наконец челядь остановилась и без лишних околичностей ввела меня в одну из небольших комнат с двумя циновками на полу и тусклой лампой, озарявшей одинокий невысокий столик посередине. Перед ним склонилась высокая женщина в роскошных одеждах. Ее суровое лицо слегка смягчали неяркие отблески света от масляной лампы. Оставив нас одних, слуги тут же удалились, а незнакомка обратила ко мне спокойный взгляд, в котором проглядывало не то презрение, не то изучающее разочарование. Мне оставалось лишь безмолвно застыть по стойке смирно. Оробев, я не смела вымолвить ни слова.

– Итак, юная Мико, – произнесла строгая особа, и меня передернуло от глубины и отчетливости ее голоса. – Полагаю, тебе теперь предстоит узнать много нового об обители, в которую ты была доставлена. Я – хозяйка этого милого чайного домика, именуемого «Сад изобилия». И отныне ты станешь моим подопечным цветком, что должен расцвести всеми благами грядущей дамской ремесленной жизни.

Она умолкла и вновь внимательно осмотрела меня с ног до головы, на этот раз несколько дольше задержавшись взглядом на моих полураспушенных косах и сероватом платице, изодранном в пути.

– Однако для начала тебя, дитя уединенной лесной чащобы, следует обучить премудростям учтивости и красоты. Только пройдя весь искусный цикл специального воспитания, ты сможешь называться настоящей женщиной. И только тогда ты обретешь способность считаться гейшей благородного Шинмати.

Она еще раз надменно оглядела меня и небрежно махнула рукой:

– На сей же день ты будешь безотлагательно испытана на предмет этикета, как подобает дражайшим нашим цветочкам с первых мгновений в обители. Но отдыхай пока, ибо это всего лишь начало твоей великой стези, юное дитя.

С этими словами сановитая госпожа изящно встала и удалилась, оставив меня в полном недоумении стоять на одном месте. Легкое потрясение, вызванное столь пугающим приемом, помешало мне заметить нечто другое в комнате.

Лишь спустя несколько минут я увидела, что в углу теснилась тень, перемещающаяся и будто настороженно меня разглядывающая. В ответ на мой испуганный взгляд, фигура неуверенно приблизилась и выступила на свет.

Передо мной предстала девочка лет десяти с темными растрепанными волосами и тонкими чертами лица, какие бывают только у знати. В момент ее приближения мое смущение мигом развеялось и уступило место любопытству. Глянцевитые темные глаза девчушки цепко впились в меня и источали нескрываемое презрение – столь недетское, как будто их владелица была годами старше.

– Не бойся, сельская дурнушка, – к моему изумлению, произнесла она низким дрожащим голосом. – Меня зовут Окику, и я далеко не последняя ученица мудреной школы в этом обителище. Уже через день-другой ты воочию изведешь строгость науки Акиры-сан и все ее порядки, такие же жестокие, как зверь в неволе.

Прежде чем я успела ответить, моя юная собеседница присела на циновку и добавила виноватым, почти неслышным шепотом:

² Сямисэн – традиционный японский щипковый трёхструнный музыкальный инструмент, выполненный в виде лютни с маленьким овальным корпусом.

– Я помогу тебе не сбиться с пути и соблюдать все эти неисчислимые правила. Ибо таковы уж здешние порядки...

Она отвела взгляд и какое-то время мы сидели, не проронив ни слова. Эта эпоха моей жизни уподоблялась тихому чистому ручью, который вот-вот должен был излиться в мощный горный поток.

Глава 5. Благоговение перед Акирой-сан

Минули годы с того поворотного дня, когда я вступила в лоно «Сада изобилия». Одно мгновение растягивалось в череду дней, дни сплетались в месяцы, а месяцы в целые эпохи неукоснительных занятий и строгих испытаний.

В ту пору весь мой новый круговорот оборачивался бесконечной чередой упражнений и церемониалов под руководством неумолимого наставника – хозяйки обители мадам Акиры. Каждая секунда нашего бытия неотступно следовала букве ее педантичных правил и предписаний. Любой нюанс движений, осанки, мимики, расположения тела и даже дыхания мы должны были доводить до математически рассчитанного совершенства.

Как только невыспавшееся солнце поднималось из-за вершин пагод, Акира-сан без опозданий появлялась в наших спальнях, и привычный распорядок сменялся трепетным томлением инспекции. Именно в эти утренние часы мы обязаны были четко выдерживать все уроки по телодвижениям, поведению и этикету. А далее не следовало сомкнуть очей до алой зари, пока мадам не внушила тысячу деталей, как поддерживать хрупкость изящества.

Вот мы до изнеможения шагаем кругом по татами, пока Акира-сан не добьется от нас совершенной вихревой походки – мерного кружения вокруг собственной оси, при котором нога скользит подобно лезвию по льду. Затем, после первого утомления, следовали непререкаемые упражнения с веерообразными опахалами, посредством которых юные манэко³ обучались изысканным телодвижениям для веерных танцев и умению вплетать нити стихов в речь.

Здесь я впервые соприкоснулась с поэзией, чьи строки омыли мое тогда еще грубое деревенское сознание животворными благами культурных традиций. За вечной сменой букв и свежестью слов я вдруг узрела мир невиданной красоты, во сто крат превосходящий все великолепие природы, когда-либо мной лицезранные.

И в те редчайшие мгновения, когда мы воочию постигали их благородную сокровенность, нам казалось, будто весь окружающий мир источает сиянье волшебной палитры жизни. Мимолетная радуга метких строчек открывала перед нами великолепные панно прошлых эпох, тонкости канонического веса и безграничное разнообразие нравов и обычаев минувшего. Душа жаждала все глубже проникать в неизведанные грани этой поэтической вселенной.

Но, стоило лишь застыть в восторженном созерцании, как тотчас настигал строгий окрик мадам Акиры, возвращавший нас к суровой яви неустанных упражнений. Основная же часть ежедневного обучения была посвящена отточенной хореографии походки, чинной упорядоченности сидения и мелким ритуалам приличия до полного отупения.

По вечерам наступало время сложнейших церемоний чайной трапезы, которым предстояло стать одной из наших коронных наук. Сначала нас наставляли в непростом искусстве устраивать классическую чайную мистерию, доводя до педантического совершенства ритуалы по чистке исинских чашек и разведению душистого напитка из зеленых метелок по старинным рецептам.

Акирой эти обряды удавались виртуозно, и при виде ее исполнения сердце невольно преисполнялось благодарным трепетом. С каким величавым спокойствием она вычерчивала хокку на песочных подносах! Точно и неторопливо манипулировала тончайшей фарфоровой утварью, так что уличный шум и суета переставали существовать, и все вокруг погружалось в состояние умиротворенного безмолвия. Из-за ее плеч медленно изливались водопады ароматного дыма, а бледное лицо застывало в маске невозмутимости, подчеркнутой лишь нежными полутонами румян да огоньком сверкнувших глаз. Струйки травяного букета, дразня забывьем всевозможных запахов, окутывали залу знойной негой.

³ Манэко (букв. «ребенок-игрушка») – так называли девочек в их первые годы обучения мастерству гейши.

Тишина этих моментов благоговела перед Акирой, единственной способной низводить благородную магию в рутину приготовления напитка. Мы, манэко, могли только замирать в восхищенном трансе и учиться вбирать малейшие оттенки этой ритуальной феерии.

Но даже вживаясь в лучшие творения чайного дела, не следовало упиваться фантазиями о достижении такого мастерства. За одну попытку расслабиться или проявить самонадеянность Акира не преминет сурово призвать к порядку и вновь усадить за муштру повторений механических действий вплоть до полного бессмыслия. Горе тому, кто посмел бы усомниться в ее авторитете!

Славная Акира отродясь не знала ни утехи, ни жалости: крупные седые пряди драгоценным узором оплетали ее скулы, а грозный взгляд блуждал в безбрежных далях, где покоились лишь высшие канонические догмы. И если ей чудилось мельчайшее пренебрежение учениц к ее наукам, то грациозные черты вдруг озарялись нелюдским гневом, во взгляде вспыхивали раскаленные угли неистовства, а речи обретали злую остроту.

В такие минуты мы под ее яростным напором чувствовали себя робкой дичью, вновь и вновь стремящейся ускользнуть от владыки катастрофы. С ужасом взирали мы на эту внезапную трансформацию кроткой наставницы в безжалостного надзирателя, перед коим нам недоставало сил оправдаться.

– Доколе будете вы упорствовать в варварских замашках своего детского невежества?! – вскипала гневом эта хрупкая, изящная женщина-эскулап, в муках практикующая свои науки. – Вы упрямо пребываете в простецком отупении, будто стадо овец в выгребной яме бедности! Даже тысяча ударов бича не вдолбит в вас жалких простолюдинок правил почтительности и хороших манер!

В такие роковые для нас ситуации обнажалась вся сурдиница Акириного жизненного таланта. Она без устали наносила нам удары бамбуковой хлыстовиной, пока с наших ладоней не сочилась росинками кровь, смешиваясь с ожесточенными порывами рыданий. Порой казалось, что издевательства мучительницы будут продолжаться до полного умертвления телес. Но как только мы опускались в ярость безысходности и проникались суеверным ужасом, гнев мадам внезапно утихал.

Она откладывала в сторону инструменты телесного наказания и, молча возвращаясь в свое обычное состояние безмятежности, легким кивком приказывала нам приступать к дальнейшим изнуряющим занятиям у расписных ширм. Так, после очередного экзекуторского испытания, деспотизм вновь сменялся авторитарным милосердием.

До последнего часа нас держали в палатах непрерывных тренировок, пока каждый жест и поступок не впитывался в каждую клетку тела до мелочей. По ночам мы почти мгновенно проваливались в беспмятство. Едва прикоснувшись головами к жестким матрацам, мы возвращаясь в муторный сон к изможденным дриадам из царства грез.

Но даже обессилев от дневной работы, я почему-то не уставала восхищаться сдержанной властью Акириного рассудка, которая, словно вспышки секретного кода, даровала выстрадавшему шедевру ее вечных усилий некую магическую животворную искру, которая передается не с помощью банальных поучений, а только лишь напрямую – из сердца в сердце.

От ее фигуры веяло неумолимостью движений, всякий раз ввергавших в трепет мою детскую душу. Да, это была наставница чрезвычайной жестокости и требовательности. Но за ее благородной суровостью проглядывала подлинная мудрость непревзойденной наставницы, таинственно влекшая нас вслед за ее сановитым примером. Через призму ее преданности искусству, я как бы прозревала горние перспективы духовного совершенства и постигала философию древних как непоколебимое предзаконие.

Наставления Акиры наполнялись для меня сокровеннейшим священным духом, и в эти мгновения я молилась, чтобы никакая досада не затуманила взор моей души, пока она восторгалась этим выражением высшего авторитета.

Посреди этой безостановочной круговерти уроков и наставлений, лишь в обществе подружки Окику мне выпадали краткие передышки для отдыха телом и душой.

В жизни манэко редко выдавались свободные мгновения, когда позволялось спастись бегством от бдительного ока мадам Акиры и ее бесчисленных помощниц-надзирательниц. Но Окику была истинной мастерицей в искусстве эфемерных исчезновений. Она втайне приводила меня в укромные места нашей гейшеобители, в которых можно было отдышаться от изнурительного ритуального балета.

Запомнился мне один из таких уголков за раздвижными бумажными панелями. Его обрамляли ряды резных деревянных перегородок и живописных ширм, на которых мастера кисти изобразили дикие горные реки, изменчивые моря водорослей и цветущие сады камелий, уводящие за горизонты гряд своими ветвями и ручьями.

Томная импрессия миниатюрных прудов с их маленькими обитателями, будоражила воображение ребяческими грезами. Казалось, будто цветы, фонтанчики и чаши с рыбками были созданы только для того, чтобы внушать благоговение перед красой природы и укреплять детскую фантазию ее хрупкими воплощениями.

Но самым притягательным было крошечное озерцо в центре двора, малым изогнутым мостиком связанное с берегами. В эти клочки душевного отдыха, прожитые словно в параллельной реальности, впечатляла удивительная осмысленность всего окружающего антуража.

В такие часы все очарование окружающего таинственного мирка принадлежало только нам с Окику. Здесь мы были вольны дышать полной грудью и резвиться как вздумается, освобожденные от оков невыносимого этикета и порядков, заведенных в чайном доме. Подружка нередко даже позволяла себе бегать босиком по краю причудливого водоема, ради лукавого развлечения рискуя сбиться с опрятной поступи девицы на выданье, столь жестоко навязываемой Акирой-сан.

Когда Окику вот так вдруг забывалась и давала волю шалостям детства, во мне против воли поднималась та самая восторженная дрожь, что всякий раз настигала при виде безукоризненных этикетных церемоний Акиры. Проказливый задор моей закадычной подруги открывал передо мной новые духовные глубины, к которым я стремилась приложить все силы своей неокрепшей души.

И хотя Окику обычно держалась надменно, брезгливо сжимая губки и пряча чувства под маской царственной безучастности, в уединенных встречах между нами неизменно проглядывала шемящая нотка доверительности. Вдвоем, за пределами строгого ока командирш, мне не требовалось носить маски невозмутимой ученицы – вместе с нею я могла показывать свои истинные эмоции, делиться потаенными детскими огорчениями и тайными грезами.

В эти интимные моменты Окику не кичилась воспитанием гейши, каким была напичкана по самое ненавистное. Более того, временами ее самоуверенная замкнутость абсолютно растворялась. Умильная озорная улыбка вскипала на лице подруги, озаряя его таким родным и теплым светом, что я невольно забывала про жестокие порядки обители.

Глядя на нее в такие минуты, я поражалась, как может юное создание столь уверенно держаться под гнетом нечеловеческих требований, не теряя индивидуальности и не закоснев в рабском фанатизме. Тогда с нескрываемым восхищением я ловила каждый ее жест, каждый изгиб бровей и взмах ресниц, запоминая это выражение доброты и обезоруживающего простодушия. Одно только воспоминание об этих лучезарных зарницах милости помогало мне не сломаться под градом изнурительных экзерсисов мадам Акиры.

Вскоре молчаливые посиделки перетекали в полушепотные разговоры о наших сожалениях и видениях грядущего. Окику, кичась потугами превзойти обитательниц чайных домов, временами небрежно роняла фразы о намерениях вырваться из золоченой неволи раз и навсегда. Она отнюдь не грезилась незавидной долей гейш в почете, ибо в ее систему убеждений почему-то не вписывался перспективный лоск привилегированной профессии.

Бывало, размечтавшись в этих порывах, юная фрейлина сбрасывала с себя одеяния, совершая ритуал разоблачения телесной тюрьмы. В таких поступках запоздалая детская наивность причудливо переплеталась с робкими всплесками бунтарства. Ключья цветных шелков разлетались из рук Окику во все стороны, как безмолвные призывы о помощи, пока она стояла небрежно-вольной, застенчиво сутулясь в ожидании моей реакции.

Не смея возвысить голос, я с опаской взидала на эти артистические жесты сопротивления. Хотя сердцем я разделяла стремления подруги к свободе, но разум мой был наполнен страхом перед возмездием строгой мадам. Я боялась лишь усугубить свою и без того незавидную участь в обители. Поэтому я никогда не решалась на подобные смелые поступки, а лишь кивала головой и одобряющее заключала Окику в дружеские объятия.

Мне доводилось порой замечать в этих пререканиях отчаяния ее настоящее лицо: настоженное, негодующее, дерзкое, алчное к любым проявлениям жизни. С жаром она живописала свои мечты о большой независимой жизни за стенами резиденции гейш. В те мгновения ее темные глаза вспыхивали задором юной наездницы, рвущейся на поля сражений. Тонкие губы отважно кривились, предвкушая новые горизонты.

– Я живу как узница, моя милая Мико, – роняла напоследок Окику, обретая былое наигранное бесстрашие. – Здесь цветы неподвластны солнцу и медленно отцветают, а я с каждым днем все дальше от истинной природы жизни. Как же смогу я выдержать эту пытку властью минут убийственного безвременья?..

Я была не в силах ответить что-либо вразумительное на эти трагические вопрошания. Вместо слов утешения из уст моих вырывались лишь долгие вздохи смятенных чувств.

В таких потрясенных молчаниях мы разделяли друг с другом горькую участь пленниц «Сада изобилия». И глядя в эти мгновения на решительный профиль подруги, сурово очерченный в контражуре закатных лучей, я все больше утверждалась в мысли, что мои опасения были столь же бездонными. В финальных отблесках мне уже мерещились неизбежные знамения ее будущего рокового сопротивления системе.

Глава 6. Искусство остроумной беседы

Годы ученичества в «Саду изобилия» продолжали свой бесконечный виток. Безжалостная муштра под началом Акиры поглощала все мои дневные и ночные часы, превращая меня в послушный сосуд для вмещения классических творений айнов⁴.

Погруженная в эту безумную круговерть постижения увлекательных обрядов и премудростей, я временами забывалась в своем деревенском происхождении, как будто родилась в самих недрах аристократического сословия гейш. Навыки утонченного красноречия, тонкое владение нюансами мимики и телодвижений с каждым разом все больше отдаляли меня от изначальной дикарской природы.

Однако внезапные встречи с родными выбивали из этого самовосприятия и заново обнажали истоки моего воистину гадкого утенка. В краткие визиты домочадцев в обитель я воочию убеждалась в пропасти, отныне разделяющей меня и прежних близких.

После томительных ожиданий в комнатах для свиданий, исписанных благородными стихами и пропитанных ароматным дымом курильниц, наконец приходил черед встретиться с моими дорогими. Как только вереница сгорбленных крестьянских силуэтов просачивалась в приоткрытую створку, на их потрепанных лицах начинало проступать смущенное оцепенение и тень нескрываемой боязни.

Вот отец мой, некогда такой могучий, упадает в растерянном поклоне навзничь перед моими ступнями. Его узловатые кулаки неуверенно озираются в поисках приюта для растопыренных мозолистых пальцев. Я лишь жестом подаю знак, что он может преклонить колени в благоговейной позе.

За спиной старика маячит пригорбок сутулой спины матушки. На ее заплаканных глазах мерцают мутные росинки. Как-то странно кривятся в полуулыбке ее бескровные губы, будто пытаюсь выразить то благодарность, то суеверный ужас перед моей новой ролью. После недолгих сетований о здравии, она повисает в немом оцепенении, покорно склонив поредевшую головку. Таковы были эти неудобные встречи с моими бывшими кровными.

Но как только я открывала уста для ответной фразы, настороженная тишина в помещении обрывалась. Выверенные модуляции голоса изящно перепадали от грудного бархата к заоблачным высотам прозрачного колоратурного стекла, бесконечно меняя ритмы и краски вдали и вблизи.

На фоне этой речитативной феерии гортанные оклики пришельцев из отчего дома обретали природный вид чудовищного хрипения. Лишенные должной школы, доморожденные простецы походили на воинство глухонемых изгоев, заблудившихся в мироздании ворожбы и заклинаний.

В такие минуты меня посещало царственное чувство превосходства над их убожеством. Порою мне даже хотелось заговорить со взмахами и позами танцовщицы в синтоистском храме, чтобы дополнительно растеребить в их сознании чувство собственной неотесанности. Но выдержка ученицы Акиры-сан все же удерживала меня от подобных жестов, так как они разили бы грубостью.

Вместо того я с деланным терпением принималась вести изысканную беседу о премудростях поэзии, философских трактатах или, на худой конец, курировать их в азах хороших манер по городскому этикету. Родные внимали мне с неизменным священным трепетом, нескрываясь напряженные и скованные в движениях.

Вслушиваясь в мои наставления, отец и мать едва заметно кивали, отчего рассыпались пылью перхоть и труха их дряхлых лбов. Отцово мощное тело бугрилось под тяжестью моих

⁴ Айны – народ, древнейшее население Японский островов.

затейливых фраз. Скуластое крестьянское лицо его морщилось, силясь уловить мой экзистенциальный сказ.

– ... Ведь ваша нога не должна тяжело выпирать вперед, – могла начать я обычный вящий урок. – Смотрите, вот так акцентируется грация, когда ты высоко выгибаешь шпоры и тихонько ставишь ногу на рейку...

И я медленно, торжественно повторяла для них пройденные мудреные шаги, один за другим высвечивая высокородный шарм в каждом своем дугообразном па.

Затем моя речь могла плавно перетекать в новое русло – пересказ памятников хайку или ракусю⁵ из творений древних мастеров. Длинными чарующими порциями я разливала в простецких ушах волны восторга, доселе сокрытые в догмах великих недоступных трактатов. Это были моменты поистине равновеликой радости – открывать непосвященным доступ в запретные края художественных форм и в то же время испытывать собственное превосходство в мудрости слова.

Вскоре после подобных душевных эпопей лики папеньки и маменьки обретали притупленное выражение – точно они плескались в омуте горних сфер, дремотно сонные и растерянные от всей этой свысока преподнесенной премудрости.

Братцы же, напротив, от подобных нравоучений терялись в открытую. Дремучие деревенские чадо из племени айнов! В них, тупиц, не влазили даже азы утонченных обычаев. Отважиться им на молвь по правилам изящной казуистики было равносильно подвигу прохождения семи огненных пропастей самурайской империи.

Тем не менее я старательно выделяла перед ними преогромнейшие рулады и выкрутасы голосовыми связками, прилагая немалое актерское мастерство. Парни недоуменно хлопали глазами, лишь флегматически кивая в притворном согласии с любой чепухой, вырвавшейся на свободу из моего курса речитативов. Пытаясь сохранить подобие смекалки, братовья жевали закорючки обрывков байки, которую и забывали через вдох-другой.

В печальные промежутки апатичного молчания мои родичи окончательно впадали в скуку, отчаянно коробясь от снобистских виршей их не по годам премудрого учителя. Тогда они просто обвисали на циновках, как кисло-квашеные поганки, воздевая к небесам чадающие блюдца опухших глаз. Нетрудно было догадаться, что мощные волны моих хитросплетений разбивались о недвижные грани их затурканных черепов.

Беспросветный примитивизм мирков простаков был поистине пагубен для мира словесной игры, для утонченной диалектики, в коей я так вольно резвилась благодаря сполна испытанным урокам манеры гейш. Манерность моей речи ввергала родственников в смятение и немую тоску. С каждым разом я все неуклонней возносила себя над ними.

Наплевав в итоге на долг приличия, моя домашняя родня неминуемо отправлялась в обратный путь, густо благодаря меня за неопределимую милость аудиенции. Впрочем, даже сплевывая облегченные возгласы меж деревень, они ничуть не проникались итогами моих красноречивых уроков. Всё в них оставалось прежним, по-коровьи тупым и непросвещенным.

И чем дальше увеличивалась вселенная моей книжной мудрости, поданной в утонченных ризах красноречия, тем трагически огромней становился разрыв между нашими жизненными устоями. После очередного визита неотесанных и невежественных родичей, я убеждалась в горькой правде о реке времен, оттолкнувшей меня от родного тепла на темную для него сторону знаний.

С каждым месяцем эти свидания с родней становились все более беспцельными и печальными. Мы, точно жители из разных далеких стран, все чаще проводили встречи молча, работая лепно созерцая друг друга под сводами пагоды. И если первое время эти визиты были долго-

⁵ Хайку, ракусю – жанры японской поэзии

жданым просветом к родному пепелищу души, то к концу первого года такие передышки стали напоминать череду встреч с посторонними людьми.

Наконец, мои дорогие поумнели настолько, что больше не стремились меня навещать. О чем я едва ли сожалела – ведь над моим естеством вполне довлел мир премудрых канонов и философий зацвета сакуры. Круг моей новой жизни был окончательно замкнут вокруг невидимой цитадели «Сада изобилия» и сосредоточен внутри ее резных ажурных стен.

Глава 7. Переход в майко

Как мимолетна юность и безоблачны ее дни! Кажется, лишь вчера я вступала в этот изысканный омут женского искусства гейш. А вот уже отзвенели первые мои пятнадцать вёсен, и пробил торжественный час посвящения в новую, более взрослую ипостась.

В тот судьбоносный день, едва проглянув из опочивальни на молочный прибор внешнего мира, я с радостным трепетом узрела, как двор обители уже пестрел разноцветными лепестками приготавливаемого святилища. Служанки сбивались с ног, устилая тропинки узорами из крошечных майских лепестков – для моего же грядущего обряда вступления в цвет возраста.

В полном трепете от того, что после стольких лет обучения ждет меня окончательное посвящение в майко⁶, я долго совершала омовения и плела волосы в сложнейшие косы. Затем меня препроводили в опочивальню духов, где сэнсэй Акира со всей бесстрастностью равнодушной жрицы начала полагающиеся церемонии.

Впервые за все время обучения мне позволили обнажить свою плоть перед алтарем и фигурками святых. Полностью разоблачившись под бесстрастным оком наставницы, я, стоя на коленях, превратилась в послушную глину для ее творческих рук. Акира принялась старательно вымывать меня из родимчиков и покрывать ритуальными белилами самурайских жен.

Все это время не смел прозвучать ни единый звук из моих уст. В полном безмолвии, как невеста перед брачным ложем, я должна была принимать на себя каждый завиток румян и перламутрового сиянья, накладываемых изошренными ладонями Акиры-сан. Завершив декорирование моего алебастрового стана, мадам облачила меня в свежайшие муслиновые одеяния, благоухающие цветами сливы и орхидеи. В этот момент я уже всецело обрела верный облик натруженной японской дамы.

После бессловесных трудов преображения, на смену безропотному терпению пришел черед древних оберегов. В сумрачном полумраке пустой беседки меня заставили неподвижно вкушать парения благоуханных можжевельников в тазу и ритмично вслушиваться в отзвуки молитвенных гонгов.

Это был чудесный миг обретения истинного внутреннего зрения. Впервые я ощутила себя сродни сказочному нефриту, ценнейшей утвари царских палат – такова была незапятнанность и цельность моего нынешнего бытия. Из кометной россыпи собственных помыслов я черпала новые глубины уверенности, осознавая всей своей сутью, каким бледным фарфором спокойствия и хрупкости предстояло мне отныне быть перед миром.

И вот под заунывный вой силплых флейт я была выведена на высокую огороженную галерею к пиршеству богов в почетной свите моих столь же юных и прекрасных подружек. Поочередно покручиваясь вокруг высоченных сакральных свеч, они одна за другой приветствовали мое возведение в сан майко под залиvistые трели бессловесных гимнов.

Сопровождаемая бесстрастными лицами гейш, я присоединилась к медленному хороводу девиц, неспешно и смиренно ступая около них с опущенными веками. Ритуальное шествие завершалось изображением мистического возрождения через затяжной прыжок сквозь огненную арку. Яркие всполохи костра очистительно опалили меня, когда я с бесстрастным видом проследовала за остальными новообращенными адептками через пламя к новой жизни.

В оглушающем реве барабанов тайко и всплесков поющих чаш дайкин очутилась я перед главным алтарем в центре святилища. Там сидели некие пожилые и очень важные на вид дамы, которых мне прежде не доводилось видеть.

⁶ Майко (букв. «танцующее дитя») – название учениц-подростков гейши.

От их нездешнего взора исходила аура высшего духовного авторитета. Пред ними служащие монахини раскладывали мистические дары и выстраивали редкостные курильницы с волшебным дымом, который душистыми язычками скользил по угольно-черным изваяниям старца-аскета Эйяку.

Повергшись плашмя долу, я предстала перед взрослым советом сословия гейш. И тогда вперед выступила новая для меня наставница – древняя дама Изэнэми, знаменитая специалистка в ремеслах гейши. А еще была эта великая мадам знатоком древнего запретного целительства, производимого с помощью колдовских обрядов и пахучих дорогих трав, произрастающих в далеких нездешних краях. Забегая вперед, скажу, что владение этой скрытой наукой ох как сильно помогло мне в моей дальнейшей, полной приключений, жизни.

Но пока мне казалось, что заезженное даже не годами, а столетиями, лицо старухи обладало устрашающе-одухотворенной мощью самого бессмертия. Суровый, но не лишенный достоинства профиль напоминал шершавый мхом древесный ствол, по коре которого бродили зигзаги чудных символов.

В тот торжественный момент мадам Изэнэми приняла меня под крыло своего высочайшего нравственного совершенства, осыпая улыбкой прощальной дерзости мою глупую юность. С неизбытым уважением я припала устами к скрипучим ручищам старой гейши – и в моей чистой ученической душе осталось лишь спокойное, созданное истово-бесстрастным выражением ее лица.

Позже возле меня уже собралось целое сонмище юных подружек-красавиц, и неуклюже терся взявшийся невесть откуда целый выводок разномастных визгливых ребят-прислужников. Все мы, бывшие воспитанницы и арфистки обитатели, приступили к исполнению старейших гимнов разноцветными подголосками в честь важного события.

От этого густого полифонического амбре давно позабытое чувство детской сказочной эйфории скоростно завладело моим сознанием. Я улыбалась в едином порыве с другими девицами. В унисон с их испытанными интонациями я вдруг забыла обо всех перенесенных невзгодах, скорбях и страданиях минувших нескольких лет. Вместо болезненных воспоминаний во мне самопроизвольно всплывала лишь душераздирающая гамма восторга, жизнелюбия и девственного удовлетворения от столь радостного, торжественно-величавого обретения своей настоящей женской силы.

Когда же церемония постепенно сошла на убыль и последняя напевная трель умолкла за порогом святилища, я очнулась уже подле моей древней учительницы. Изэнэми без лишних ревербераций молча отправила меня с новоиспеченными подругами дальше следовать ее неукоснительным указаниям.

Одна из моих новых помощниц препроводила меня в комнатку, где я поспешила облачиться в майко. Форма знаменитых платьев томэсодэ⁷ в узорах из китайского шелка сразу придала мне солидности и женственности. Эти невесомые облегающие дорогие ткани идеально оттеняли цветущий румянец моих юных ланит и подчеркивали болезненную худобу изящной статуры.

Хрупкие мои ступни вместе с тем излишне украсились неуклюжей деревянной подставкой для надлежащего фасона майко. Переставляя ими путано, заковывала я, волоча изнурительный хвост душистых тканей, повинаясь велениям новой строгой хозяйки. Прочие служанки испытующее меня осматривали на предмет неловкостей, которых я из последних сил старалась избежать.

Здесь, среди облаков аромата, я должна была спокойно усвоить и безвозмездно принять первые уроки жизненного опыта будущей дарительницы любви. Изэнэми величаво восседала на отдельном постаменте, извергая сухие вздохи из трубок и медленно выдыхая вместе с ними

⁷ Томэсодэ – тип кимоно для замужних женщин.

дымные тучки трактатов и новелл. Вслед за ней я неспешно впитывала в себя восточную метафизику гейшизма всеми своими душевными чакрами. Мои новые помощницы-манэко окружали меня, время от времени услаждая деликатным обрызгиванием благоухающих водич.

В последующие несколько финальных лет моего наставления в хитроумный процесс замысловатой выучки была вплетена каждая отдельная клетка моего существа. Под строгим крылом мадам я постигала и накапливала в себе все доступные достижения метафизического знания древней культуры – от Асуки⁸ до наших дней. Я попеременно с утренней зари и до забрезжения предзакатов долбила все тончайшие нюансы танцевального мастерства и музыкальной просодии, технические навыки работы с льняными холстами и украшения лаком, инструментальной игры, основанной на принципах многозвучной гармонии, сложные методики проведения ароматических ритуалов и окуриваний, а также многопредметный театральный арсенал вплоть до лжеакробатики и завораживающей дрожи кукол-марионеток.

Сумма подобной специализации, честно говоря, зачастую выводила меня из состояния сомнамбулического безропотного ученичества к роли истинной служанки искусств и перенаправляла в некое вдохновенное причастие к вселенской душе от мира порочного и скарёдного бытия. Поскольку опытная мадам с каждым сеансом обучения все беспощаднее подвергала меня сокрушительной экзекуции собственной закалки и нравственных настроений, я незаметно впиталась в сферу ее энергетических посылов и мистических прозрений.

Я выпорхнула из фигуры прежней живой статуэтки и переродилась в дивную крылатую птицу счастливых омрачений и просветлений, дарованных древней мудростью таинственных жриц любви. Мой танцевальный хоровод, виртуозные жонглерские способности, разогретые в огне ночных репетиций и мистерий, со временем обрели невиданную утонченную пластику, приобщившись к духу запретных наслаждений пикантной атмосферы гейш.

Я изощрялась в разножанровом флирте, отхватывая мельчайшие мгновения удовольствий в сладостно неумолимом стоне гостиных обители. С каждым новым танцем, ритмом я все чаще впадала в милые сентиментальные перепалки с воздыхателями и покровителями, круг которых начал образовываться вокруг меня. Душа моя уязвлялась благородными оковами чувств, кокетливо-обольстительных устремлений, дерзких намеков. Озоруя играми глазок, колыханиями узорных опахал и нарочито смущенными придыханиями, я вдохновенно радела одному лишь возвышенному ремеслу полуночных фей – разжигать томные страсти сокровенной услады и осмеивать их своим таинственным жизнелюбием.

Я столь много сил и таланта вкладывала в овладение этим искусством соблазнительных даров, ведь оно давало мне надежду обрести когда-нибудь заветную жизненную стойкость и душевное равновесие в зрелых годах. В нем мне грезилось мое предназначение в цветущей поре, и достичь его вершин можно было лишь под управлением моей престарелой наставницы.

Постепенно Изэнэми приучила меня с пугающей ясностью постигать изъяны абстрактной науки получения эстетического наслаждения. Доскональным штудированием моих страстей и наставлениями эта почитаемая гейша окончательно вылепила из меня безупречное олицетворение сладострастного суесловия и обаяния ради успешного служения во времена надвигающейся фривольной карьеры.

Ее умелая рука поспешно продвигала меня от младенческой неискушенности прямиком к полной зрелости в области принадлежности к касте красных фонарей. И как бы остро я при случае не переосмысляла в себе эту разительную метаморфозу от наивности духа к премудрой разглагольствующей эротоманке, после каждой нашей совместной студии ароматический навык томного обольщения выросал во мне с невероятным усердием.

Но, думая об истоках своего пути, я всегда невольно вспоминаю мятежную Окику – мою давнюю подружку, ставшую полной противоположностью моей судьбы. Дочь некогда родови-

⁸ Асука – период становления культуры в Японии.

тых, но обедневших самураев, она, подобно мне, оказалась заложницей «Сада изобилия» из-за отцовских долгов.

Только в отличие от моей смиренной участи деревенской затворницы, гордая Окику с самого начала вела себя как свирепый хищник, загнанный в ловушку. Ее норовистый нрав никак не желал подчиняться строгим порядкам обители. То и дело дерзкая красавица поднимала мятеж, испытывая железобетонную выдержку наставниц разными выходками.

В те дни, когда я постигала изысканные методики сдержанности и покорности под крылом мадам Изэнэми, вольнолюбивая Окику оставалась самой буйной и своенравной духом из всех моих сверстниц. Она яростно противилась нашему воспитанию, громогласно отвергая участь домашней затворницы.

Упрямец не любила нашу учительницу с первой же встречи. Строптивый огонек в ее живых глазах никак не желал потухать от ледяного дыхания старой мадам. Окику объявляла голодовки, мастерила дерзкие розыгрыши, зачастую в открытую потешалась над бесценными наставлениями Изэнэми.

– Разве это жизнь – вечное заключение в клетке между четырех стен? – частенько возмущалась она передо мной со слезами вызова на глазах. – Нас держат тут будто певчих канареек, дабы мы услаждали лишь немногих счастливых своим жалким чириканьем в золоченой темнице!

В такие минуты буйной иступленной откровенности, когда возвышенную словесность Окику сменял самый грубый сленг, она походила на разъяренную росомаху. Подруга с болью исторгала из недр души яростный крик отчаяния, сжимая изогнутые пальцы в судорожные кренделя. Ее алые губы кривились от горечи произнесенных жалоб, резкие вибрации ноздрей раздували зрачки гневных очей.

В подобные моменты просыпалась природа ее бунтарского нрава, полностью противоположного для стезей классической гейши. В яростном порыве Окику порой начинала крушить стену или безжалостно рвать на клочки шелка своих кимоно, не щадя даже самых роскошных нарядов из багрового дамаста. Служанки шарахались от нее, лишь бы не попасть под ураганную перепалку ее сиплого крика.

Мне, напротив, доставалось затаенно наблюдать эти запальчивые истерики с немим любопытством. С упоением я взирала на то, как язычок пламени изнуренной души подруги больно вспыхивал среди застывшей бесстрастной симфонии обители. В эти моменты мы словно оказывались зрительно противопоставлены – огненный характер Окику и моя холодная покорность стихиям среды.

И все же, невзирая на столь разительную контрастность внутренних натур, мы с будоражащей девицей испытывали странное притяжение друг к другу. Дело в том, что Окику с ее внутренними бурлящими бунтами влекла меня своим вызовом судьбе. Она словно прошибала туманную болотистую гладь моего духовного самоусыпления вспышками молний и громов.

Как говорят в Японии, слышать грозу лучше, чем ее видеть. Именно такова была моя философия на тот момент. В те мгновения, когда сама я предпочитала отмолчаться и проглотить колючие замечания, дерзкая подружка с наслаждением вступала в спор с Изэнэми или ее жреческими помощницами. Бывало, что строптивка шаталась на самой грани сохранения в обители благодаря своим необузданным вспышкам гнева.

И каждый раз после таких инцидентов я с азартом внимала исповедам пламенной Окику – о том, какие муки и страхи она испытывала при очередном бунте против гейшанских идолов, какой дискомфорт терпела во время неизбежной обструкции. И в эти моменты воспаленного, но искреннего единения, заливаемого ее слезами, я никогда не сдерживалась и полностью отдавалась на волю своей страсти к свободе...

Глава 8. В путях мастера Киёши

События того вечера предопределили нити моей дальнейшей судьбы. Уж кто-кто, но я точно никогда не вынашивала никаких коварных умыслов против сложившегося порядка «Сада изобилия», однако роковой случай погрузил меня в столь упоительные глубины, что с тех пор вся прежняя выучка начинающей гейши представлялась бесцветной пылью.

К тому времени я уже встала на верную стезю образования достойной майко. Мои дни ушли в череду неусыпного освоения классических секретов телесного и духовного мастерства под руководством бессменной наставницы Изэнэми. Хоть старуха и манкировала многими мелочами моей учёбы, общий дух гейши проник в мои кости и плоть посредством беспрекословного подчинения. Именно поэтому ее порицание стало для меня тем горше...

Все началось с того, что в одну из лунных ночей ко мне заблудилась странная парочка, видимо полагавшая, что в комнате никого нет, и это круто изменило ход моей заурядной выучки. Небывалое зрелище, разыгравшееся при мне, низвергло мою неискушенную душу до самой ее не ведающей просветления тьмы!

А произошло сие так: следуя приказу Изэнэми-сан, я устремившись в покои, где должна была завесить все створы ширм и отгородиться даже от самих призраков, ибо в том сезоне имелся определенный запрет на какие бы то ни было потревоги богов.

Но когда послушно расставила я переплетенные рамы, из сада сугубого безмолвия донеслись заговорщические шорохи, несущиеся из-за порога.

Некоторое время я стояла, потупив вниз свой сосредоточенный взгляд и не осмеливаясь проникнуть сквозь преграду со своим любопытством. Вскоре за перегородкой послышались приглушенные вскрики, вслед за чем с другой стороны хрупкой завесы возникли два крадущихся силуэта, которые на моих глазах начали превращаться в единое тело в четыре руки и ноги. Одна из туманных фигур, казалось, бессильно повисла, увлекая вторую в нирвану собственного безумия.

Лишь через многое мгновение, когда порывистый страдальческий хор двух усталых дыханий разобрался наконец перед моим восприятием, я обомлела от горячей правды! Где-то за тонкой бумажной перепонкой происходило грубое кружево восточной ментальности в истиннейших забавах плотских сласти.

Мое внимание было парализовано веригами крестоплетения конечностей, спонтанным пульсом притоплений одного тела другим до сумасшедших невидимых объятий и расшвыриваний, стонами, взрывами ярости, сдавленными хрипами – всякий раз нечто то возрождалось, то умирало наподобие мистерии меж двух живых клубков!

Забыв себя и приказы сэнсэя, я пригвоздилась в состоянии гипнотического транса у ширм, позорно заглядываясь сквозь малейшие щелочки на продолжения жгучей пантомимы. Меня бесстыдно заворожили конвульсии, с которыми один из извивов продирался вдруг между паучьими капканами другого и вновь распадался обманчивым угасанием, лишь бы дать вспыхнуть этому унижительному таинству вновь, лишь бы, придавленный и до краев насыщенный, выплеснуться оцепенелыми медузами любострастного танца!

Мурашки пробегали по всему моему параличному существу от этих плавных млечных извивов. Но меня ожидало нечто еще более особенное. Сверкающие удлинняющиеся паутины из пут алого шелка туго наложенного на бедра одной из давних обитательниц квартала Шинмати, сворачивающиеся затем кольцами на кисти опытной руки того, кто прятал ее за ними.

Моим зрачкам уже мерещились в красных всполохах массовые оргии демонских чудовищ, вступающих в единоборство скручивающихся рук и ног. Душа моя молила небеса, чтобы казнь пыточного метаморфоза завершилась победой жизни хотя бы над одним из сражающихся организмов.

Но бесславные участники полностью исполнили свой ритуал, доведя его наконец до узаконенного развязывания концов в расторможенном благодушии. Тогда сквозь витое распадение шелков отчетливо вылезли два одинаково обнаженных властителя этого безобразия – то были мастер Киёши, великий фокусник изобразительных уз, и его ученица-гейша из закрытой школы. Школы, которой официально не существовало в квартале Шинмати, но за обучение в коей некоторые были готовы не только заплатить большие деньги, но и продать душу.

Насытившись вожделенным пиршеством в изогнутых растяжках рискованных фигур, партнеры встали, одеваясь, начали приводить в порядок разбросанные одежды, не подозревая о моем соглядатайстве. Пренебрегая риском быть застигнутой и жестоко выпоротой, я все еще вперяла свой присутственный взгляд в этих гимнастов кошмарного эротизма до тех пор, пока они не удалились восвояси.

Найдя ориентир в виде матраса, я упала ниц и далее гипнотически бредила в обморочном поту изверга-одиночки, обуянного плотью. Но отныне как будто бы была тем, кто обладал теперь тайной недосыгаемой власти. И даже после того, как в моей темнице стихло все, кроме гулко-сумеречного дыхания богов, я продолжала входить в восторженный духовный раж перед свисающими полотнищами колец, серпов, спиралей и обрывков нитей.

Неожиданно, нагая, разбухшая от вожделения, я осмелилась перешагнуть черту и коснуться их. В полубеспамятстве начала я обматывать их вокруг себя, при этом роняя горькие слезы и униженно восторгаясь и смакуя в своих воспоминаниях выражение нетронутого лица стропливой наложницы, предугадывая в каждом своем действии удушливую горячую напасть перевернутой бархатной корзины рая.

Целую ночь я проплавала среди раструбов доселе неведомого мне искусства. Скрытые объятия фатальной сути соблазнений открылись для меня в недосыгаемой прежде форме хрупких кружев мира разврата и несказанного экстаза. С неиспиваемыми слезами душевных мук я встретила утро в объятиях нагромождения пут и лонжей!

Мою девическую спесь в отношении наставницы вконец растоптала обнажившаяся бездна соблазнов. И оковы сознания Изэнэми, казавшиеся прежде столь целомудренными оазисами обрядности, отринулись мной на долгие годы пред лицом сверкающей бездны изошренного распутства.

Я уже предчувствовала неминуемый конфликт с Изэнэми. В очередной сеанс ее обучения, когда мы с Окику принимали поучения самурайских добродетелей, я безрассудно прервала строгую матрону, осмелившись на неслыханную дерзость:

– Досточтимая мадам, смею ли попросить у вас позволения изучать сакральное искусство шибари?

Окику неодобрительно крякнула – сия необузданная девица и не думала поддерживать мои бредни. Изэнэми же на мгновение впала в столбняк. Несколько долгих мгновений она сверлила меня бестрепетным взглядом, отчего мурашки пробежали по моей спине.

– Мико-сан, – прошипела-таки старуха чеканным голосом, – не смейте произносить слова о столь греховном занятии в священных чертогах сея обители! Не ведаете ли, до каких запретельных последствий может довести бесстыжее увлечение путами?

Я чуть было не открыла рот, потому что никогда Изэнэми не обращалась ко мне в таком официальном тоне.

Я потупила взор, ощутив нарастающее смущение. Мадам жестом приказала Окику оставить нас наедине. Подруга с вызовом покосилась на меня и удалилась.

– Искусство шибари запрещено употреблять праведным гейшам, – негодуяще продолжила Изэнэми, брезгливо сморщив морщинистое лицо. – Не смейте больше поминать обо всяких непристойностях и отриньте это прочь из головы, глупышка!

Я упорно молчала, в душе бурля от негодования. Повисла тягостная тишина. Хранительница церемониалов несколько раз шумно вздохнула, будто силилась совладать с собственным гневом.

– Кто научил тебя о сем языческом закоулке постельных забав? – наконец осведомилась она строго. – Ибо до сей поры я не припомню, чтобы мы упоминали о нем в твоём воспитании!

Тут уже я не выдержала и отважно воззрилась в ее суровые старческие очи:

– Вы правы, учительница, не упоминалось сего ранее. Я сама воочию узрела, насколько это искусство преисполнено тайной красоты и глубин! И с той самой поры жажду овладеть им.

Изнэмми-сан окаменела – редкий случай, когда я позволяла себе такую прямоту. Неожиданно она разразилась саркастическим смешком:

– Так, значит, молодость твоя выследила коварное действие извращенцев и мыслит посвятить себя их срамному ремеслу?! Подобного я вполне могла ожидать от твоей бессовестной заносчивой подружки, но никак уж не от тебя.

Я гордо вскинула голову, впившись в нее безжалостно-требовательным взглядом.

– Повелительница мудрых наставлений! Умоляю, позвольте мне учиться мастерству шибари у достойного сэнсэя и провидца высочайшей красоты в путях – Киёши!

Я ожидала резкого отказа, но мадам ограничилась лишь тяжким разочарованным вздохом. Вконец расстроенная, Изнэмми покачала головой и отвела от меня свой суровый взгляд.

– Увы, Мико, я решительно запрещаю тебе впадать в это распутство. Мы стремимся в обители воспитывать украшение общества, а не неофитов кинбаку⁹. Ты еще безусловно юна и неопытна, чтобы погрязать в таких крайностях удовольствия. Зачем губить поистине важный талант настоящей гейши?

Ее слова полоснули меня, будто ножом. Мое упрямство разбивалось о стену непреклонности почтенной волшебницы-хранительницы, но все же я нашла в себе силы робко возразить:

– Искусство кинбаку откроет мне новые глубочайшие постижения любви и красоты, невиданные людям обыкновенным. А я, как искренняя искусница мастерства гейш, ревностно алчу...

Изнэмми дерзко оборвала меня, рявкнув:

– Срамота и дьявольское распутство – вот что откроет тебе сия новомодная дичь! Последний раз предупреждаю: отбрось немедленно мысли о мерзостных веревках и сконцентрируй свое воспитание на возвышенных церемониях.

Я скрипнула зубами от злости. Задиристая частичка моего нрава, подобная Окику, желала пререкаться с учительницей до исступления. Но я благоразумно смолчала, понимая, что спор с мадам был бессмыслен.

Лицо Изнэмми смягчилось, взгляд потеплел. Она ласково промолвила:

– Не крушись понапрасну, майко. Доверься опыту и знаниям твоей наставницы: я не из зависти отстраняю тебя от соблазна шибари, но из искренней обеспокоенности о твоём благополучии. Ибо хочу, чтобы стала ты моей преемницей в деле волшебного целительства.

С неохотой я склонила голову в знак смирения. Но в сердце моем уже созрело упрямое решение: во что бы то ни стало обучиться искусству пут, невзирая на запреты.

В тот поворотный день, дерзко ступив на стезю ниндзя-арканщиков, я приняла свой путь и много позже нашла в загадочном всевышнем мастере Киёши не только духовного проводника, но и полную страсть всей своей измученной жизни.

Тогда, долго не смея признаваться кому бы то ни было в преступном любопытстве, я замкнулась в своем увлечении, как ребенок, нашедший тайный ларец с сокровищами. Богомольно принимая при Изнэмми казарменные заготовки, ведущие в путь настоящей майко, я

⁹ Кинбаку или шибари – японское искусство связывания.

начала существовать еще и своим тайным параллельным бытием, вынашивая в душе легкую надежду: обрящу ль я когда-нибудь возможность приступить к святой науке кинбаку?!

И улыбка судьбы промелькнула вскорости. Вождь кружка, мастер Киёши, как это ни парадоксально, лично приоткрыл мне свою тайную дверь. Заметив мой настойчивый интерес к его персоне, по прошествии некоторого времени сам Киёши недвусмысленно начал наставлять меня в первостепенную красоту шибари, не вмешивая в это других адептов-одногодок. При мастере Киёши я стала свидетельницей безошибочной онтологии странного ритуала. Из скромной начинающей под его строгим оком я посредством долгих пауз и попыток стала выплывать самозабвенной девушкой, самодостаточной, одухотворенной ритмами своего несчастного счастья и круговых объятий бытия.

Во время внеурочного одиночного посвящения в несусветные кренделя шелков Киёши вознес меня к бездонному образу при всех незримых сестрах вечерних сил. То была священная мистерия лона, дефибриляция самой генетической матрицы моего существа его властным сердцем.

Наш взаимный путь с наставником шел через тернистую чащобу забвения всех формальных условностей претворения естества в свободный танец. В его грандиозной школе не почиталось никаких границ для погружения в эротическое уничтожение моей самости, так что я сызнова осознала себя чистым существом без возраста, познавшим суть дистилляции настоящей свободы.

В форме укрощенного подвижничества, наполненного плененными мастером шарами иллюзорных тел, меня усердно влекли в иллюзион бесконечной смеси страхов, томлений, дурманов и экзальтаций. При этом надо сказать, что с высоты сущности, с какой мне доводилось разделять эти незримые миги сверхчеловеческого ощущения, я примечала и риск радикальной духовной слепоты.

Ибо над художником довлело желание довести меня до предсмертного ужаса немощи в его шелковых иероглифах. Все чаще в указанных ритуалах я ошеломленно утопала между экстремумами неистовства и нирваны.

Шибари заставило полностью капитулировать мое биение о суровый берег искушений жизни, воздвигая вокруг вновь рожденной принцессы противоестественную телесную осаду и вереницу флажков молчания. И все же, чем сильнее под невысказанными формами истязаний я рыдала, тем светлее становилось благоговение перед каскадами благоговений, созданных дьявольским талантом мастера Киёши, способного выдумывать любую сияющую пляску существ, скручиваемых в кокон его бесценных пелен.

Глава 9. Тайны страстных стихов и искусство флирта

В «Саду изобилия» мы усердно изучали основы высокого искусства – классической литературы, философии, поэзии. Бесценный материал для оттачивания ума и речи, способных увлечь и очаровать самых взыскательных собеседников.

Особое внимание мы уделяли изящной поэзии любви, берущей начало с незапамятных времен. С юных лет нам прививали тонкое чутье распознавать в классических строках утонченные метафоры, скрытые намеки, пикантные двусмысленности. В те годы я впервые прониклась каноническими творениями великих мастеров вроде Исэ-но Нагамити, Ки-но Цураюки и непревзойденной Идзуми Сикибу.

Последняя, жившая во времена Хэйанского периода и состоявшая в романтических отношениях с принцем Тамэтакой, сыном императора, ввела особый жанр «сэдока» – стихов о чувственных наслаждениях. Здесь правила открытые, смелые метафоры, откровенно намекающие на интимную близость. При этом изысканные создатели сэдока ни разу не прибегали к грубым выражениям, а облекали самые страстные томления в утонченно-образный язык.

Даже в современные мне дни для многих эти стихи казались вызывающими. Но в былые времена смелость сэдока поистине шокировала общество! Одной их самых известных мастериц жанра, как я и сказала, признана как раз Идзуми Сикибу, чьи откровенные порывы в рамках дворцовых регламентов произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Вот, например, ее знаменитое трехстишие, от которого когда-то краснели выдавшие виды аристократы:

*Я знаю, можно будет,
Войдя в твой бамбуковый домик,
Поласкать твою плоть.*

С благоговейным трепетом внимали мы этим строкам в нашем монашеском скиту, втайне сгорая от жажды земной страсти. У меня порой кружилась голова от подобных невинных стишков с их глубинным экстазом. Но мы должны были удерживать свое развитое воображение в рамках целомудрия, дотошно разбирая поэтические красоты непристойностей!

Немалую роль в обучении искусству утонченного флирта и томлений играли тонкости в макияже, прическах, костюмах и манерах. Любая, даже самая малая деталь имела глубокие корни и потаенный смысл в традициях гейш. Изучение сих тонкостей велось с непостижимым педантизмом.

Помнится, как неделями мы упражнялись в технике накладывания тончайшего косметического белила, чтобы добиться нужного оттенка фарфорово-матовой кожи, идеально скрывающей любой изъян. Изэнэми-сан буквально изводила нас нравоучениями об умеренности и чувстве меры – ежели майко переусердствует с белилами, она станет смахивать на ходячую восковую маску.

Или взять хотя бы тривиальную на первый взгляд прическу симада, когда ровная челка мягко обрамляет лицо, а остальные волосы забраны в гладкий пучок. Для посторонних это выглядит элементарной укладкой. Но для гейши она имела глубинные корни в идеалах красоты матримониальных обрядов и потому являлась данью почтения чистому невинному девичеству с его выразительностью скромной сексуальности. Не каждая рекрутка выдерживала нервотрепку долгих часов упражнений в технике симада, учась безупречно воплощать в жизнь данный канон.

А сколько терпения требовали навыки обольщения жестами и мимикой! Здесь важны были мельчайшие нюансы: на какую долю секунды замереть в полуобороте за веером, как

полуопустить изогнутую бровь в выразительном кокетстве, насколько прикрыть глаза сквозь потупленный взор исподлобья. Как лишний раз не сжать до жеста вульгарности собранные к подбородку ладони в импульсивной мини-жестикуляции... Тренировки шли бесконечно, пока посторонний взгляд не уловит в нас идеального совершенства.

Отдушиной было лишь то, что меня до упоения занимали пламенные тайны любовной поэзии сэдока с их откровенными образами. Чем больше я изучала эти стихи, тем отчетливее понимала: моя неожиданная влюбленность в учителя Киёши следует из того же берега жажды плотского обожания, ликующего в строках гениальных поэтов прошлого. Все глубже погружаясь в язык намеков, метафор и иносказаний, я упивалась невинным, но столь манящим флиртом с возлюбленным, истомляясь печатями изгибов его тела, оставленных под кружевами пут.

У меня не было решительно никакого опыта в практическом применении всех сих женских ухищрений, зато сколько бурлящего энтузиазма! С упоением я принималась тайком упражнять дразнящие па и взоры томления, мысленно обольщая моего мастера шибари. О, как жадно я алкала приковать его к себе своим тайным оружием неги, заманить в нескончаемые сети любострастных уз!

Изучая классику сэдока, я с восторгом отыскивала все новые и новые намеки, пикантные метафоры и беспрецедентные красоты, кои лишь сильнее разжигали во мне лихорадку вождения. Иногда по ночам перечитывала я парочку самых смелых шедевров Идзуми Сикибу – и мое девичье сердце билось в учащенном танце от пикантных образов, пропуская двусмысленные строфы сквозь призму наваждений о Киёши...

*В нашем смятенье
Не миновать нам утех
Любовного Ложжа.*

– воспаленно декламировала я вслух, припоминая безмятежный лик наставника в уголке беседки при свече. Я вдыхала аромат воображаемой амброзии его тела, придавала его фигуре многоединство с вельможами, чьи мускулистые торсы обольщали ночи напролет изнеженные красотки квартала Шинмати.

*Всех сторон лишен
Мой растерзанный стан,
Лежа возле спутника.*

– упоенно бормотала я, прикрывая глаза в опьянении. Перед моим мысленным взором плыли гипнотические ленты, облепляя каждый изгиб талий, спирали вечной любви впивались в бока и раскидывали россыпи воскресших бриллиантов по обнаженной груди. О, воистину Киёши и я – две чистейшие души, отдавшиеся друг другу в забытье ликующей старинной песни телесных желаний!

Однажды, во время одной из наших сессий поэтического самосовершенствования, я вдруг осмелилась излить на бумаге собственный вариант чувственной поэзии:

*В танце петель тел
Твой рельеф в агонии
Свел меня с ума.*

Стихи получились по-девичьи неумелыми, впрочем, весьма откровенными в своем духе пламенной страсти. Какое наслаждение было предаваться такому запретному творчеству! Я

едва не вздрагивала от восторга, окунаясь в бессмертный мир бунтарских шедевров жанра сэдока.

В последующие дни я с упоением начала упражняться в сочинении подобной хвалебной поэзии вожделения, посвященной своему кумиру. Немало моих вольных шедевров полетело в редут его обителища впоследствии. И хотя мастер шибари благоразумно никогда не выказывал признаков внимания к наивным стишатам, я продолжала самозабвенно творить...

Глава 10. Мидзуагэ или как стать женщиной

Неистовство обучения продолжалось. И казалось, что никогда этому не будет конца. Например, изучение нами высокого искусства ношения кимоно влекло за собой не только постижение канонов элегантности и безупречного стиля. Под внешними атрибутами красоты крылись сакральные знания об управлении женскими чарами, оболыщении всеми гранями своей натуры.

Однако вдруг наше обучение сделалось поистине дерзким и откровенным. Помнится, как я смущенно вспыхивала, впервые открывая для себя уроки чувственного эротического массажа. Сколь многое предстояло постичь о стимулирующих точках наслаждения, грамотном нажатии и умелых поглаживаниях с использованием специальных масел, лосьонов, афродизи-аков!

Смуглая чувственная Мэй-сан, наставница по курсу магии прикосновений, излагала материал с поистине энциклопедической скрупулезностью. Она учила нас, где именно следует мягкими спиральными движениями оказывать бархатное давление на плечи, запястья, лодыжки. Как ритмичными круговыми растираниями распалить страсть в пупочной области. Какие зоны следует чуть сжимать, покручивая кончиками пальцев. Где допустима лишь неведомая щекотка. А в каких точках малейшее нажатие чревато болезненными ощущениями.

Часами мы, майко, отработывали это волшебное мастерство на практике. На подушках расстилались обнаженные юноши-модели, чьи изваянные торсы предоставлялись в наше полное распоряжение. Поначалу в подобных занятиях преобладал элемент стыдливости и смущения. Но вскоре, распаленные самим процессом и восторженными реакциями натурщиков, мы бесстрашно предалися плотским наукам.

Боги, как же дразнил воображение тугой рельеф их тренированных мускулов! Порой я с застенчивой игривостью лакомила прелестями их фаллических соблазнов, поигрывая языком, обвивающим увлажненные губы в жажде новых сладострастных наслаждений. В такие моменты ко мне приливал горячая сочная волна того запретного жара, что щедро разбрызгивался в великолепных произведениях классики жанра сэдока.

Для финального же выпускного экзамена майко готовили более чем нескромное приключение. Нас ожидал таинственный древний ритуал прохождения через священный выпускной акт мидзуагэ¹⁰.

Традиции сего обряда уходили корнями в языческие капища инугами – людей-собак, некогда живших в наших землях. Согласно мифам, инугами поклонялись Великому Псу, богу плодородия и любовных утех. В старые времена девушки из их племени должны были провести ночь с семью различными партнерами прежде, чем стать брачными женами.

В современную мне эпоху этот жестокий обряд трансформировался для майко в одноразовый акт инициации. Провожая нас из девичьего невинного детства в женский мир, наставницы торжественно продавали нашу девственность с молотка самым влиятельным господам. Сие служило залогом славы майко на будущие времена.

За неделю до ритуала мидзуагэ Окику со смешком призналась мне, что располагает надежными сведениями относительно того, кто приобретет честь обесцвечивания моих лепестков. Оказалось, один богатый, но уже увядающий торговец серебром пылал жадной заполучить меня для себя! Видение его низкорослой тучной лысеющей фигуры вызывало у меня ужас и стыдливый озноб.

Однако судьба распорядилась иначе. Сама церемония прошла при закрытых ставнях в каком-то приватном забытом богом павильоне. К моему изумлению, за цену моей девичьей

¹⁰ Мидзуагэ – обряд взросления гейши и юдзё (проститутка), сопровождавшийся выставлением девственности на продажу.

пажити разгорелись невиданные торги! И вот, когда противный мне старик-торговец празднично предложил астрономическую цену, некий загадочный незнакомец в тени отбил кон, вдвое перекрыв эту сумму!

И тут я обомлела. Душа моя сжалась в иступленном трепете, ибо я узнала фигуру господина Киёши! Оробев от потрясения, я цедила напиток безумной радости из его горящего страстью взгляда. Он смиренно кивнул мне в такт завершения финальной ставки...

В тот исторический вечер я, преисполненная чистейшего вдохновения и любви, в сопровождении освященного кортежа наставниц отправилась в его уединенные апартаменты. Здесь мой обожаемый мастер должен был в торжественной обстановке сорвать с меня цветок целомудрия с соблюдением всех тонкостей многовековых канонов.

Мы приблизились к будуару Киёши с зажженными свечами и церемониальными подношениями. Я пыталась сохранить подобающее спокойствие, но внутри у меня все клокотало от восхитительного волнения. Ибо этим днем исполнялась священнейшая из моих утренних грез...

Настала кульминация таинства, когда мне повелели простереться на туго набитом пуховом ложе наставника. В мерцающем свете лампадок облик Киёши приобретал черты языческого божества, ниспосланного для моего вожделенного посвящения.

С трепетным волнением я окидывала взором его обнаженный торс, словно изваянный из мрамора резцом гениального скульптора. Каждая мышца, каждый изгиб дышали невыразимой мужской силой и величием. Но было в нем и нечто запредельно-тонкое, завораживающее душу, присущее лишь подлинным мастерам своего ремесла.

Приближаясь ко мне с зажженной курильницей, он окутал атмосферу ароматами пряных афродизиаков. Я затаила дыхание, когда его теплые умелые ладони начали мягко обводить овалы моего не обнаженного еще тела, изучая каждый изгиб и ложбинку. С вожделенным смущением я предалась его дразнящим прикосновениям, посылающим табуны мурашек по всей моей плоти.

– Мико... – благоговейно произнес наставник, и при звуке его бархатного шепота у меня перехватило горло. – Для меня была честь годами следить, как ты превращалась из юной неопытной девочки в истинную жрицу любви. Я всегда восхищался твоими талантами, твоей жаждой красоты, твоей живостью...

Он приблизил лицо к моим выующимся волосам, глубоко вдыхая их аромат. Затем губами заскользил по линии шеи, оставляя дорожку жарких поцелуев. От его соблазнительных ласк по телу разлилось упоительное тепло.

– Сегодня я счастлив быть тем избранным, кто сделает тебя Женщиной, – бархатно промурлыкал Киёши. – Клянусь направить все свои познания на то, чтобы наше таинственное слияние стало для тебя истинным откровением...

Продолжая покрывать меня влажными поцелуями, он забирался все дальше по изгибам тела. Его рука предприняла пылкие попытки проникнуть под складки моего шелкового пеньюара... Но я невинно отстранилась, заглядывая учителю в глаза с озорным вызовом:

– Сэнсэй, разве так принято вести себя с высокой гейшей? Неужели вы забыли, с каким трепетом следует развязывать мой оби¹¹?

Киёши впился в меня восхищенным взглядом. Затем ладонью сдвинул с меня верхнюю кимоно, обнажая затейливое переплетение шелковых лент под ним. Бережно приникая к моему напряженному телу, его уста припали к завязкам оби...

¹¹ Оби – пояс для кимоно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.